
**Госбанк СССР в 1927—1929 гг.:
курс на «оздоровление» кадров накануне полномасштабной
«чистки» советского госаппарата**

Михаил Николаев

**The USSR State Bank in 1927—1929:
staff «sanation» before the large-scale purging
of the Soviet government apparatus**

*Michael Nikolaev
(Bank of Russia, Moscow)*

DOI: 10.31857/S086956870012191-1

Рубеж 1920—1930-х гг. стал поворотным как в истории СССР в целом, так и в истории Государственного банка в частности. Слом нэповской модели социально-экономического развития и усиление авторитаризма сопровождались кампаниями гонений и репрессий. К ним относилась и «чистка» советского госаппарата 1929—1932 гг., затронувшая в свой начальный период прежде всего наркоматы и ведомства экономического блока. 13 января 1930 г. в Госбанке СССР начала работу комиссия по «чистке» (под руководством члена Президиума ЦКК ВКП(б) В.А. Радус-Зеньковича)¹, а 5 июня по её итогам были приняты кадровые решения².

Согласно брошюре, выпущенной к XVI съезду ВКП(б) (26 июня — 13 июля 1930 г.), из 2 554 проверенных сотрудников Госбанка по первой категории³ «вычистили» 37, по второй — 44, по третьей — 71, всего по категориям — 152 (5,9% проверенных), снято без категорий — 61 человек. Всего сняли из аппарата Госбанка 213 человек (8,3% общего числа проверенных), кроме того, 92 сотрудника получили дисциплинарные взыскания⁴.

© 2020 г. М.Г. Николаев

¹ ГА РФ, ф. 8341, оп. 1, д. 784, л. 1 об.

² См.: По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 17. М., 2016. С. 24.

³ К первой категории относились лица, «оценка работы которых показывает абсолютную невозможность их исправления и безусловность вреда, наносимого их работой в советском аппарате интересам рабочего класса», ко второй — лица, «которых вредно оставить на работе в данном учреждении или в данной местности», но которые были способны исправиться и могли быть использованы в учреждениях другого типа или в другой местности, третья категория объединяла тех, кого «нецелесообразно использовать в дальнейшем на ответственных должностях, но которым может быть предоставлена работа технического порядка в этих же или других учреждениях и предприятиях» (см.: Инструкция НК РКИ СССР по проверке и чистке советского аппарата. М., 1929).

⁴ Эти цифры недостаточно надёжны, поскольку в ходе апелляций решения пересматривались. При тех же 2 554 охваченных чисткой служащих В.А. Радус-Зенькович приводит другие статистические показатели и цифры «вычищенных» к 21 мая 1930 г.: «При ознакомлении с работой отделов на чистку поставлены (по подсчёту на 21 мая [1930 г.]) 372 человека (14,6% к общему числу сотрудников). Окончательная цифра вместе с остальными превысит 380. Из 360, оформленных к 21 мая протоколами, 172 (48%) имеют категории (I—42, II—48, III—82) и 183 человека — другие виды взысканий. Сняты с работы в Госбанке 265 человек (74% от прочищенных), переведены в другие отделы — 19» (По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 17. С. 21).

18 мая 1929 г. заведующий Учётно-распределительным отделом Госбанка СССР Степанов сообщил в Комиссию по обследованию ячейки Госбанка СССР, что накануне «чистки» «был просмотрен весь архивный материал и личные дела сотрудников. Вся эта работа протекала в тесном контакте с соответствующими органами»⁵. Как известно, это означало информирование последних обо всех «вычищенных» под видом сокращения (с тем чтобы изгои беспрепятственно не трудоустроились в другие учреждения) и предварительное «согласование» кандидатур на вакантные должности. Позже полученный в ходе «архивных поисков» «компромат» был использован ОГПУ для написания по заказу И.В. Сталина сценария фальсифицированного «дела контрреволюционной меньшевистской вредительской организации в Госбанке СССР», связанного с судебным процессом «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)» (1931)⁶.

Положение Госбанка накануне «чистки» осложнилось и по той причине, что в апреле 1929 г. его глава — А.Л. Шейнман⁷ — неожиданно даже для близкого окружения решил порвать с советским режимом и стать невозвращенцем. Это не могло не вызвать соответствующей реакции у руководства страны⁸. Не случайно кампания по чистке в Госбанке сопровождалась призывами избавиться от «кутлеровско-шейнманского» наследства⁹.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ В обвинительном заключении в качестве основной цели организации значились подготовка свержения советской власти и установление буржуазно-демократического строя. Для её достижения в Госбанке якобы проводилась вредительская деятельность в денежно-кредитной системе, подрывающая финансовую мощь СССР. Подробнее см.: *Николаев М.Г.* Разгром «вольных стрелков»: дело о «меньшевистской вредительской организации в Госбанке СССР» (1930—1931 гг.) // *Российская история*. 2014. № 2.

⁷ Шейнман Арон Львович (1886—1944) — государственный, финансовый деятель, из купеческой семьи; учился в гимназии г. Суwalkи; окончил коммерческое училище, работал конторщиком. С 1903 г. член РСДРП, большевик; с октября 1917 г. председатель исполкома Совета в Гельсингфорсе; с мая 1918 г. член Коллегии Наркомфина РСФСР и заместитель наркома финансов по губерниям-коммунам Северной области, затем финансовый атташе в Скандинавии; с февраля 1919 г. член Коллегии Наркомата продовольствия (позже — внешней торговли); полпред РСФСР в Грузии (сентябрь 1920 — 1921 г.); председатель Правления Государственного банка РСФСР/СССР (4 октября 1921 — 5 марта 1924 г.; 16 января 1926 — 19 апреля 1929 г.) и одновременно заместитель наркома финансов СССР и член СТО СССР; нарком внутренней торговли (1924—1925), заместитель наркома внутренней и внешней торговли СССР (с ноября 1925 г.). С разрешения Политбюро от 25 июля 1928 г. находился в двухмесячном отпуске, продлённом до декабря, лечился в Берлине. В августе 1928 г. назначен председателем АО «Амторг» в Нью-Йорке, однако 1 ноября 1928 г. это решение отменило Политбюро. В январе 1929 г. выехал в США для переговоров, по окончании которых возвратился в Берлин. 20 апреля 1929 г. отказался вернуться в СССР, вышел из ВКП(б). После переговоров с представителями партийно-советского руководства получил возможность работать в советских загранучреждениях. Решение Политбюро от 1 ноября 1932 г. обязывало определить характер его будущей работы. С января 1933 г. — управляющий лондонским отделением АО «Интурист». По решению Политбюро 27 октября 1937 г. снят с должности. Работал кладовщиком на одной из лондонских фабрик. В начале Второй мировой войны его жена и сын приняли гражданство Великобритании и уехали в Австралию. Умер в Великобритании.

⁸ Подробнее см.: *Генис В.Л.* Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920—1933). Опыт документального исследования в 2-х книгах. М., 2009. В новое издание вошли важные дополнения, относящиеся к истории невозвращенчества Шейнмана. См.: *Генис В.Л.* Неверные слуги режима... Кн. 2. М., 2012. С. 683—690.

⁹ Сохранился эскиз рисунка, очевидно, предназначенного для стенгазеты «Госбанковец» с подписью: «Кутлеровско-Шейнманская биржа. Дело их живет» (ГА РФ, ф. 8341, оп. 1, д. 13, л. 257). В ходе чистки и по её следам из Госбанка были уволены, а позднее арестованы сотрудники: Н.А. Сканави, В.С. Коробков, А.А. Сахаров, А.И. Антокольский, Е.С. Лурье, А.И. Лежнёв и др.

Между тем годы, предшествовавшие подготовке и началу «чистки» в Госбанке, нельзя назвать безмятежными. С 1927 г. высшие партийные инстанции стали более активно предъявлять к его руководству требования относительно «коммунизации», «орабочивания» аппарата и вовлечения в него молодых специалистов¹⁰. Этому периоду и посвящена данная статья, основанная на хранящихся в РГАСПИ и ГА РФ документах.

Кадровый вопрос применительно к коллективу Госбанка СССР был тесным образом связан с хозяйственным кризисом в стране во второй половине 1925 г. В связи с быстрыми темпами восстановления промышленности и ранее полученным высоким урожаем зерна советское руководство решило форсировать хлебозаготовительную кампанию и начать его ускоренный экспорт. Хлебозаготовители получили щедрый государственный кредит, однако погодные условия, мировая рыночная конъюнктура и дефицит товаров крестьянского потребления (с их помощью предполагалось стимулировать крестьян к ускорению темпов вывоза урожая) привели к нежелательным негативным последствиям. В частности, рост заготовительных цен на зерно поставил под угрозу рентабельность его экспорта. В этих условиях в январе 1926 г. были применены меры жёсткого административного регулирования хлебозаготовок, которые распространили и на частных производителей. С декабря 1925 г. хлебозаготовительный, а с января 1926 г. и экспортно-импортный планы пришлось корректировать в сторону понижения. Эта неблагоприятная ситуация затронула сферу денежного обращения и кредита¹¹.

Расхождения в спорах по вопросу о причинах кризиса и мерах по его ликвидации привели к смене руководства Народного комиссариата финансов (НКФ) и Госбанка СССР. Главой последнего 16 января 1926 г. вновь назначили Шейнмана, чему предшествовала дискуссия, развернувшаяся на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 11 января 1926 г. при обсуждении вопроса «О состоянии и перспективах наших валютных ресурсов и возможностей». Выступивший с докладом народный комиссар финансов Г.Я. Сокольников отстаивал принципы оберегавшей курс червонца жёсткой кредитно-денежной политики. В этом его поддержал глава Госбанка СССР Н.Г. Туманов, увидевший причины сложности в «валютном положении на внутреннем рынке» в политике зажима частного капитала в торговле. Линия Сокольникова—Туманова вызвала неприятие большинства участников заседания, среди которых были не только сторонники Сталина, но и «сверхиндустриализаторы» во главе с Л.Д. Троцким. Нельзя не учитывать и то важное обстоятельство, что на прошедшем в конце декабря 1925 г. XIV съезде ВКП(б) Сокольников выступил в пользу возвращения к принципу коллективного руководства партией, осудив политику «отсечения» от неё Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева. Мало того, он открыто высказал недоверие

Характерно, что 10 из 26 обвиняемых по «госбанковскому делу» к моменту своего ареста в банке уже не работали.

¹⁰ См.: Письмо заведующего Учраспредом Правления Госбанка СССР Степанова о задачах по выполнению директивы ЦК в области коммунизации аппарата (ноябрь 1928 г.); докладную записку Учраспреда Правления Госбанка СССР о проверке состава работников кредитных учреждений от 20 февраля 1929 г.; доклад Правления Госбанка СССР о работе по укреплению аппарата за время с 1 октября 1927 г. по 1 апреля 1930 г. (период от XV до XVI съезда партии), 1930 г. (По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 17. С. 20—25, 35—47).

¹¹ См.: *Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. Изд. 2, доп. М., 1998. С. 17—24; Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) 1923—1938 гг. В 3 т. Т. 1. М., 2007. С. 319—412, 501—542.

персонально Сталину, поставив вопрос о целесообразности сохранения поста генерального секретаря партии¹². Все эти обстоятельства привели к вынесению на заседании Политбюро 11 января 1926 г. решения об отставках Сокольников и Туманова и назначению на их места Н.П. Брюханова и А.Л. Шейнмана.

Уже в апреле 1926 г. глава Госбанка обратился в Политбюро с предложением прекратить котировку червонцев за границей (что подразумевало запрет на их вывоз из страны). На заседании созданной для решения данного вопроса комиссии 20 мая её председатель Шейнман сформулировал новый принцип валютной политики: отказ от попыток превращения червонца в одну из мировых валют и переориентация на замкнутую денежную систему¹³.

Следующим важным направлением действий нового руководства стал курс на «единый банк», направленный на повышение роли главного банка страны в кредитно-финансовой сфере. 15 июня 1927 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О принципах построения кредитной системы», согласно которому непосредственное руководство всей кредитной системой было возложено на Госбанк СССР. Его представители могли участвовать в работе советов и ревизионных органов кредитных организаций, увеличивалась его доля в акционерных и паевых капиталах кредитных организаций, а в управление передавались принадлежавшие НКФ СССР акции и паи. Госбанку СССР предоставлялось право получать от всех кредитных учреждений балансовые данные, сведения о выданных кредитах, задолженностях клиентов, текущих счетах и вкладах государственных органов. За некоторыми исключениями кредитные учреждения обязывались кредитоваться исключительно в Госбанке СССР.

Если перемены курса в валютной политике и укрепление его роли в кредитной системе государства получали поддержку в верхах, то в отношении взаимодействия с частным сектором превалировала подозрительность, которую подпитывали различные направлявшиеся во властные инстанции «сигналы». Один из них — письмо, подготовленное не ранее 22 октября 1926 г. и адресованное в ЦК ВКП(б), отложилось в его Секретном отделе¹⁴. Трое авторов письма (очевидно, из числа госбанковских служащих) обратили внимание на то, что «командные высоты» в банке сохранялись за «чуждыми нашей системе» старыми беспартийными специалистами, привнесшими в работу «бюрократическо-чиновничий дух» образца дореволюционных кредитных учреждений. Одно из главных выдвинутых обвинений касалось усиления посредством госкредита роли частного капитала. Констатируя увеличение после 1924 г. числа коммунистов, активно проводивших соответствующие установки, авторы письма, тем не менее, обвинили Шейнмана в том, что он в борьбе между сложившимися в банке группировками встал на сторону беспартийной группы, «разогнав часть коммунистического актива». В заключение они предложили «снизить состав

¹² См.: Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). 1923—1938 гг. Т. 1. С. 35—36. Нападки на Сокольникова велись давно. В передовой статье «Правды» от 25 декабря 1925 г. нарком обвинялся в поддержке экономической программы, которая сводилась к ослаблению роли крупной промышленности, развязыванию мелкобуржуазной стихии и превращению нашей страны в аграрную колонию промышленно-капиталистических стран. См.: *Генис В.Л.* «Упрямый нарком с Ильинки» // *Сокольников Г.Я.* Новая финансовая политика: на пути к твёрдой валюте. Изд. 2. М., 2003. С. 27, 25.

¹³ Решение о запрещении вывоза червонцев за границу было принято ЦИК и СНК 9 июля 1926 г. См.: *Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие НЭП... С. 146—148.

¹⁴ В 2010 г. его опубликовал журналист Е. Жирнов (*Жирнов Е.* «В Госбанке господствует чуждое влияние» // *Коммерсантъ — Власть.* 2010. № 22(876). 7 июня).

б[ес]партийных членов Правления за счёт введения коммунистов»¹⁵. В высших партийных инстанциях накапливались и другие целенаправленно собираемые материалы, которые обрабатывались и интерпретировались, очевидно, с ориентацией на «господствующие установки».

Документом, положившим начало работе над директивой, преследующей цель добиться перемен в кадровой политике, стал проект постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) от 9 апреля 1927 г. «О проверке состава работников кредитных органов в целях их укрепления и подготовки новых кадров». Его обсуждение состоялось 23 мая на заседании Оргбюро. В подготовленных к нему документах обосновывалась необходимость намечаемых мер: «Правильно проводимая кредитная политика, являясь одним из условий, обеспечивающих успешность проведения линии партии во всех областях строительства, в то же время служит одним из главных рычагов воздействия на хозяйственные и торговые органы, выполнения ими основных для ближайшего периода задач партии — рационализации производства, снижения цен и режима экономии»¹⁶. В этой связи «в целях оздоровления аппарата и замены негодных в деловом отношении работников» было признано необходимым через фракции соответствующих правлений банков и местные парткомы «произвести пересмотр состава сотрудников в следующих кредитных организациях: по Госбанку — хлебного и элеваторного отделов, краевых к[онто]р Сибири, Дальн[его] Востока, Сев[еро-]Зап[адной] области, Барнаульской, Омской, Томского и Тифлисского отделений, хлебного отдела Уфимской и Казанской к[онто]р». В результате обмена мнениями было принято решение предложить Орграспреду ЦК ВКП(б) в трёхнедельный срок с привлечением руководящих банковских работников переработать проект резолюции и внести на утверждение Оргбюро¹⁷. Речь пока ещё не шла о сплошной проверке, выбор же подразделений в структуре Госбанка обуславливался проблемами, связанными с хлебозаготовками и кредитованием занятых в этой сфере частных лиц.

Среди материалов заседания — объяснительная записка «К вопросу о проверке состава работников кредитных учреждений под углом их укрепления и подготовки новых кадров» (два варианта, более полный — на 11 листах и стенограмма прошедшего обсуждения — 43 листа). Отложился в архиве и первоначальный текст записки, подписанный заместителем заведующего Орграспредом ЦК ВКП(б) Н.А. Богомоловым 9 мая 1927 г. Согласно этим материалам, «в разработку было включено 1 000 работников, из них 600 чел[овек] ответработников по центр[альному] аппарату 8-ми банков и 400 — по периферии, причём из центральных работников 250 человек было взято в персональную разработку»¹⁸. Характеристика кадров производилась «под углом обеспечения проведения линии партии» на основании материалов администрации учреждений, партячеек, НКФ, РКИ и ОГПУ. Автор записки отмечал, что характеристики, полученные из кредитных учреждений в ответ на запросы, часто оказывались формальными¹⁹. К материалам, представленным ведомством, боровшимся с контрреволюцией, доверия было больше. В качестве примера, взятого из материалов Экономического отдела ОГПУ, приводится случай злоупотреблений

¹⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 159, л. 70—72 об.

¹⁶ Там же, оп. 113, д. 295, л. 15.

¹⁷ Там же, л. 20, 27.

¹⁸ Там же, л. 21.

¹⁹ Там же, л. 52.

при подборе кадров, связанный с членом Правления Госбанка Н.А. Реске²⁰. Он якобы устроил своего шурина Соловьёва, растратившего впоследствии 40 тыс. руб., Полякова — бывшего хлеботорговца, Телеснина — бывшего председателя дворянства, арестованного за взяточничество и экономическую контрреволюцию. «В этом же Хлебном отделе Госбанка, искажавшем кредитную политику, — говорится в записке, — по протекции Реске... сидят на ответственных постах никуда не годные в деловом отношении работники (к тому же среди них: царский следователь, иностранный подданный, полковник, дворяне)... В итоге этой, в известном смысле, организационно-выдержанной системы подбора из 316 работников хлебного отдела Госбанка, за исключением 30 человек коммунистов и комсомольцев, остальные из бывш[их] дворян, почётных граждан и лиц духовного звания»²¹. Здесь, как и в других случаях, мы обнаруживаем характерный уклон в сторону выявления «классового лица» сотрудников в ущерб анализу их деловых качеств.

Выступивший на обсуждении Богомолов, отвечая на вопрос секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева, как он оценивает нынешнее состояние аппарата по сравнению с предыдущими годами (улучшился, ухудшился, стабилизировался), ответил в обтекаемой форме: «Аппарат улучшается, но очень медленно. Улучшение — за счёт коммунистов, но мешает большая текучка: “коммунисты не хотят проходить срединную банковскую работу и лезут сразу на оперативную банковскую”»²². Для улучшения положения докладчик предложил «подобрать группу товарищей, кончающих Институт Красной профессуры, где можно дать с-х. уклон, затем из экономистов есть специалисты банковцы, человека 3—4. Привлечь этих товарищей, чтобы мы имели своих Шлезингеров²³ и Каценелбогенов²⁴, которые сейчас сидят в Госбанке. Шлезингер, человек совсем

²⁰ Реске Николай Александрович (1887—1956) — административный, финансовый деятель, из дворян. Служил на Николаевской железной дороге (1906—1910), в Азовско-Донском банке (1912—1917), позже во Всероссийском земском союзе; после Октября 1917 г. в Государственном контроле. Чрезвычайный ревизор, уполномоченный ВЦИК по проведению продналоговой кампании, помощник особоуполномоченного по реализации урожая (1921—1922). Член Президиума ЦК Помгол (1921), коллегии Наркомата РКИ (1921—1932), Правления Госбанка СССР, руководил хлебным отделом (1923—1928), Элеваторным комитетом при СТО СССР, одновременно — член правлений Всесоюзного акционерного общества «Интурист» и Всесоюзной торговой палаты (с 1925 г.), правления Акционерного камчатского общества и заместитель его председателя (1930—1937). Арестован в 1938 г.; приговорён к восьми годам лишения свободы, освобождён в 1946 г. Повторно арестован в 1949 г. и приговорён к ссылке в Красноярский край; освобождён в 1955(?) г., реабилитирован.

²¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 295, л. 44—45.

²² Там же, л. 61.

²³ Шлезингер Александр Данилович (1853 — ?). Окончил Московское Петропавловское училище; принят на службу в Московский купеческий банк. Председатель Правления Московского купеческого банка (1905 — 14 декабря 1917 г., дата подписания декрета ВЦИК о национализации частных акционерных банков), Банковской комиссии при московском Биржевом комитете (1905—1918); товарищ председателя совета Съезда банков в Петрограде; член Правления Госбанка РСФСР с 19 октября 1921 г. Согласно решению Правления от 12 июля 1924 г., в его ведении находились отделы: вкладов, текущих счетов и коммиссионных поручений и железнодорожного и водного транспорта; освобождён от обязанностей 12 декабря 1929 г.

²⁴ Имеется в виду член Правления Госбанка СССР З.С. Каценеленбаум. Каценеленбаум Захарий Соломонович (Залман Шлиомович) (1885—1961) — экономист, специалист в области денежного обращения, профессор (1919). С октября 1921 г. член Правления Госбанка РСФСР, активный участник проведения денежной реформы 1922—1924 гг. В апреле 1931 г. осуждён по делу «контрреволюционной меньшевистской вредительской организации в Государственном банке СССР» на пять лет лагерей, после пересмотра приговора в декабре 1931 г. срок был сокращён на год, а заключение заменено высылкой в Западную Сибирь. В 1933 г. переведён на работу в Москву (за-

одряхлевший, держится потому, что червонцы подписывает, мы таких людей ещё не имеем (Косиор: Дело в 70-ти летах?). Дело не в 70-ти летах, а потому что он практический работник»²⁵.

В выступлении члена Правления Госбанка А.П. Спундэ прозвучала жалоба на то, что добиться направления в банк нескольких «красных профессоров» сложно; даже подобранных им «парочку оппозиционных товарищей» не дали. В начатых ещё в 1926 г. обращениях к партийно-советскому руководству он дошёл до секретаря ЦК ВКП(б) В.М. Молотова. Поддержал Спундэ секретарь ЦК ВКП(б) С.В. Косиор, признав частично и вину не оказавшего необходимой помощи Орграспреда. Любопытно, что даже прозвучавшая оценка высоких деловых качеств специалистов не спасала их от подозрений в нелояльности. «Конечно, в элеваторном деле, где имеются большие беспартийные спецы, они имеют очень большое влияние, — заявил Косиор, — но долго молиться на этих спецов нам нельзя, нам пора самим вмешаться в это дело. Конечно... умеючи. Нельзя посадить маленького коммуниста, который не может разобраться в этом деле, и заставить его командовать спецами. Этого делать нельзя. Но мы должны подготовить наших людей, знающих это дело»²⁶. Мы видим, что в высказывании Косиора ещё сохраняется установка на замещение руководящих должностей коммунистами в зависимости от их профессиональных знаний и опыта.

При всей своей нацеленности на коммунизацию аппарата, взял под защиту некоторых спецов и Спундэ: «Очевидно, меня не совсем верно поняли, и я хочу это дело выяснить. Тов. Богомоллов сказал насчёт Шлезингера, что он старик. Я говорю, что за исключением предс[едателя] Правления червонец подписывают беспартийные заведующие с большим стажем (Андреев: для подписи годится). Он ведёт кое-какую работу, но я должен совершенно откровенно сказать, что ценность нашего золотого запаса заверяют и проверяют не Косиор, не Спунде, а эти люди. Это своеобразная проверка того, что это не Филькина грамота. Это не случайно, что даже партийные члены Правления Госбанка под этим документом не подписываются»²⁷.

После переноса рассмотрения вопроса о резолюции с 14 на 27 июня 1927 г. её наконец утвердили, а ход реализации рассматривался 30 декабря на заседании Секретариата ЦК (в присутствии И.В. Сталина, С.В. Косиора, Н.И. Ежова, Л.Е. Марьясина и др.). В подготовленном к этому заседанию материале «Справка по Госбанку о выполнении постановлений Оргбюро ЦК партии от 27 июня с.г. по проверке работников кредитных учреждений» предлагалось признать, что Правление Госбанка в основном выполнило постановление Оргбюро ЦК партии, а именно: «уделило значительное внимание подбору работников вообще»; укрепило в указанных в постановлении отделах «средние звенья» ответственных работников (директоров, заведующих, их заместителей

меститель начальника финансового отдела Московского управления Дальстроя). В 1939—1946 гг. профессор Института цветных металлов и золота, Всесоюзного заочного финансового института, с 1945 г. сотрудник Научно-исследовательского финансового института при Наркомфине СССР и профессор Московского финансового института. В 1948 г. во время «борьбы с космополитизмом» уволен. С 1955 г. профессор Московского государственного экономического института. Реабилитирован 3 октября 1957 г.

²⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 295, л. 59.

²⁶ Там же, л. 80.

²⁷ Там же, л. 75.

и помощников)²⁸. Однако на прямой вопрос Сталина, обращённый к присутствовавшему на обсуждении Спундэ, как он оценивает мероприятия по улучшению организационного состояния банка, тот ответил, что находит эту работу недостаточной²⁹.

В итоге Секретариат ЦК ВКП(б) принял решение: «а) поставить на вид руководителям банков невыполнение директивы ЦК от 27/IV—27 г. об улучшении состава фактически руководящих банковских работников и усилении коммунистического влияния средних звеньев, предупредив их, что невыполнение директивы в ближайшие два-три месяца поставит ЦК перед необходимостью привлечения руководителей банков к строжайшей партийной ответственности; б) обязать Орграспред ЦК непосредственно вмешаться в дело выполнения банками постановления ЦК от 27/VI—27 г. и совместно с руководителями банков ускорить всеми мерами выполнение директив ЦК; в) обязать Агитпроп и Орграспред ЦК совместно с Главпрофобром, не позже, чем в 2-х недельный срок внести на рассмотрение ЦК конкретные предложения по вопросу об организации курсов по переподготовке банковских работников преимущественно партийцев, с тем, чтобы эти курсы начали функционировать не позднее второй половины февраля 1928 г.»³⁰.

Решение вопроса о подготовке новых кадров, как нетрудно заметить, отставало от развернувшейся работы по улучшению кадрового состава банковских работников. План выполнения решения Секретариата ЦК ВКП(б) предусматривал создание трёх комиссий по трём группам банков: первая — Госбанк и Внешторгбанк; вторая — Промбанк и Цекомбанк; третья — Всекомбанк, ЦСХбанк, Россельбанк; на периферии отдельно по Госбанку — Сибирская, Тифлисская, Уфимская, Казанская, Московская конторы и Томское отделение. К своей работе комиссии должны были привлечь местные партийные и профсоюзные организации. Подведение итогов было отнесено на 25 сентября — 5 октября³¹.

Следующее заседание Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о выполнении его решений от 30 декабря 1927 г. состоялось 18 мая 1928 г. Из Правления Госбанка СССР уже «удалили» его беспартийных членов — А.Г. Хрушова и Н.А. Реске, на которых, очевидно, накопился солидный «компромат». Решение о снятии их с работы было принято на заседании Секретариата ЦК ВКП(б) 20 апреля 1928 г. (докладчики И.М. Москвин, Л.Е. Марьясин и А.И. Морин) с последующим утверждением Политбюро ЦК ВКП(б)³².

Однако эти меры не повлияли на общую негативную оценку деятельности руководства Госбанка СССР в области кадровой политики. В частности, в протоколе заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 18 мая 1928 г. читаем: «Отметить, что

²⁸ Там же, д. 583, л. 38.

²⁹ ГА РФ, ф. 9558, оп. 1, д. 226, л. 2.

³⁰ Там же, д. 583, л. 1. На заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 14 января 1928 г. было принято решение организовать Центральные полугодовые курсы и вечерние семинарии для торговых, синдикатских и банковских работников при Московском промышленно-экономическом практическом институте. Общее количество слушателей — 250 человек, 100 из которых — по банковскому отделению. Курсы предлагалось комплектовать преимущественно из членов ВКП(б) — работников центральных и местных учреждений всей торговой, синдикатской и кредитной системы (РГАСПИ, ф. 17, оп. 74, д. 60, л. 20).

³¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 74, д. 60, л. 22.

³² Там же, оп. 113, д. 613, л. 6. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило это решение на заседании 3 мая 1928 г. (Там же, оп. 3, д. 685, л. 8).

состав работников среднего звена в аппарате Госбанка улучшился лишь в незначительной степени, благодаря недостаточной работе Правления Госбанка, проделанной в этой области». Решение Оргбюро обязывало Шейнмана в двухнедельный срок представить в ЦК «конкретный план как в отношении людей, так и сроков по укреплению состава ответственными работниками в кредитных группах, транспортной части, иностранном отделе, отделе контролируемых учреждений, эмиссионном отделе, отделе международных расчётов, в гл[авной] бухгалтерии, отделе финансирования хлебных операций и финансово-экономическом бюро». Кроме того, главе Госбанка предложили немедленно уволить группу специалистов, скомпрометированных своими связями с лицами, осуждёнными по процессу «Общества взаимного кредита» как в Москве, так и на периферии, а об исполнении сообщить в ЦК в течение двух недель. Один из пунктов протокола обязывал через полгода заслушать на Секретариате ЦК сообщение Госбанка и Россельбанка по вопросу о дальнейшем укреплении состава работников среднего звена по всей системе этих банков³³.

В этих решениях, по сравнению с ранее принятыми, речь шла уже о более широкой проверке банковского аппарата. В этой связи следует напомнить о судебном процессе по «делу» 1-го Московского Общества взаимного кредита (ОВК) и Московского торгово-промышленного ОВК, приговор по которому был вынесен Верховным судом СССР 14 апреля 1928 г. Семеро обвинённых в экономической контрреволюции подсудимых, включая бывшего помощника заведующего финансово-экономическим бюро Госбанка СССР В.А. Николаевского, были приговорены к расстрелу, остальные фигуранты — к лишению свободы на срок до десяти лет. По ст. 117 УК РСФСР (взяточничество) осудили на восемь лет заместителя заведующего учётно-ссудным отделом Госбанка СССР Е.И. Васильева и заведующего подотделом специальных текущих счетов В.П. Цветнова и на полгода — бухгалтера подотдела учёта векселей М.А. Потапова³⁴.

Не исключено, что авторы документа делали отсылку и к более раннему судебному процессу, известному как «дело сотрудников Хлебного отдела Госбанка» (при этом из 20 обвиняемых только двое занимали ответственные посты в Госбанке СССР, остальные были торговцами и сотрудниками обществ взаимного кредита). Судебные слушания проходили в Москве с 9 декабря 1927 г. по 3 января 1928 г.³⁵ И хотя государственный обвинитель говорил, что «мы судим здесь не Госбанк, а взяточников», «судим не политику хлебного отдела Госбанка, а практику», общественный резонанс явно сыграл на руку сторонникам кадровых чисток. Тем более что один из обвиняемых госбанковцев являлся бывшим предводителем дворянства, а другой — бывшим купцом 1-й гильдии³⁶. Выдвинутые же по «делу» обвинения во взяточничестве и пособничестве частнику трактовались как «экономическая контрреволюция» (ст. 58-7 УК РСФСР). Замечу, что само «дело» нуждается в беспристрастном дополнительном изучении с учётом хотя бы того обстоятельства, что несколько подсудимых отказались в суде от своих ранее данных показаний. Более того, ещё до решения суда «компрометирующие» материалы, связанные с прохо-

³³ Там же, оп. 74, д. 60, л. 18.

³⁴ *Жирнов Е.* «Советский суд не знал ещё ни одного такого процесса» // *Коммерсантъ* — История. 2014. № 24(48). 1 декабря.

³⁵ См.: *Кондурушкин И.С.* Хозяйственно-экономические судебные процессы периода НЭПа. Обвинительные речи. М.; Л., 1930. С. 85—110.

³⁶ Там же. С. 86, 97—98.

дившим по делу в качестве свидетеля Реске и подсудимыми — сотрудниками хлебного отдела Госбанка, фигурировали в материалах майского (1927) заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) и стали основанием для вынесения соответствующих решений.

Любопытную картину, сложившуюся в руководстве Госбанка СССР по вопросу о кадрах, рисуют черновики писем и записок руководителям партии и правительства, авторство которых принадлежит Спундэ. Они свидетельствуют о его весьма непростых отношениях с Шейнманом.

13 февраля 1928 г. в письме Г.К. Орджоникидзе Спундэ подчеркнул, что весной 1926 г. он согласился работать в Госбанке только после выработки общей с Шейнманом позиции в отношении основ банковской политики. Взятый курс на «единый банк», по словам Спундэ, отодвинул на второй план возникшие с главой Госбанка разногласия по внутренним организационным и кадровым вопросам. Ещё в начале зимы 1926/27 г. Шейнман якобы категорически возражал против перемен в руководстве банка, весной же 1927 г., отчасти соглашаясь с критикой деятельности некоторых членов Правления и признавая необходимость кадровых перемен, всё же не спешил что-либо предпринимать. Когда Шейнман четыре с лишним месяца находился в командировке в Германии, Спундэ, по его утверждению, провёл в Госбанке ряд назначений, предоставив некоторым обладателям партийных билетов должности заведующих отделами и директорам³⁷.

К марту 1928 г. конфликт между двумя руководителями достиг пика. Спундэ, считавший своё положение в банке «нетерпимым», нашёл временный выход в отъезде в длительную командировку. В марте и апреле он подробно написал об этом Косиору: объяснил мотивы, побудившие принять решение об уходе из банка, и предварил их «историческим экскурсом».

Обстановка в Госбанке СССР, как он вспоминает, произвела на Спундэ в первые месяцы после назначения членом Правления в мае 1926 г. «весьма тяжёлое впечатление». Отделы, обслуживающие посетителей, работали сносно, в бухгалтерии же дела были запущены, а вот «верхушка аппарата» оказалась в значительной части враждебно настроена по отношению к хозяйственному курсу, взятому банком после «просчётов» осени 1925 г. Особенно негативно воспринимались сокращение кредитования частных и меры по регулированию торговли. «Был, например, со мной такой случай, — сообщает Спундэ, — через неделю после моего прихода в Банк ныне уволенный член Правления Госбанка Хрущов и директор одного из отделов коммунист Штерн, уволенный ещё в 1926 году, приходили ко мне (каждый отдельно) и уговаривали меня дать новых 100 000 руб. Обществам Взаимного кредита, так как только таким путём можно будет вытащить ранее данные деньги»³⁸.

Спундэ писал, что с осени 1926 г. он неоднократно склонял Шейнмана к необходимости «почистить» Правление от «нечистоплотных людей вроде Хрущова, Реске». Но тот возражал, объясняя, что «художества Реске» разбирались по докладу ОГПУ на заседании Политбюро, которое решило не давать делу ход из опасения создать неблагоприятное впечатление за границей. У Реске в Кремле якобы имелись высокие покровители³⁹. Был ли Шейнман искренен

³⁷ ГА РФ, ф. 9558, оп. 1, д. 226, л. 1 об.

³⁸ Там же, л. 11.

³⁹ Там же, л. 11 об. Возможно, автор путает. В письме Косиору, написанному в апреле 1928 г., во многом повторяющем мартовское, говорится о «художествах Хрущова» (Там же, л. 18).

или придумывал для Спундэ приемлемое объяснение в защиту тех, с кем не спешил расставаться, сказать сложно. Так или иначе, на несколько месяцев инициатор кадровых перемен оставил свои попытки.

После февральского (1928) постановления Оргбюро о кредитной системе, которое, как считал Спундэ, ликвидировало остатки принципиальных споров, он возобновил свои походы к Шейнману. Исчерпав возможности действий в одиночку, он в конце февраля — начале марта собрал совещание трёх партийных членов Правления. Но и групповой нажим не имел результатов. «При нынешнем состоянии аппарата, без воли к его постоянному улучшению, — писал Спундэ Косиору в марте 1928 г., — мы не справимся с возложенной на нас задачей быть единственным или почти единственным кредитным учреждением в стране»⁴⁰.

В изображении Спундэ Шейнман, не меняя состава членов Правления, которые «у нас одно время служили парламентом для произнесения высоких “направленческих” речей», предпочёл авторитарный стиль руководства. Заседания собирались всё реже, а обсуждавшиеся документы пускались «вкруговую». Получалась прямо противоположная крайность. Накались и отношения Шейнмана со Спундэ, который, видя, что начальство его игнорирует, всё больше удалялся от активной работы⁴¹.

Через несколько месяцев, очевидно, после командировки, ситуация несколько изменилась. С разрешения Политбюро от 25 июля 1928 г. Шейнман находился в двухмесячном отпуске, продлённом до декабря, и лечился в Берлине. В одном из писем заместителю председателя СНК Я.Э. Рудзутаку (написанном, очевидно, не раньше начала августа, накануне какого-то важного разговора с главой советского правительства А.И. Рыковым) Спундэ констатировал наметившееся улучшение положения дел в банке, которое он связывал с нажимом на Шейнмана извне. Спундэ хотел, чтобы со стороны Рыкова, Рудзутака или «может быть, ещё кого-нибудь» (намёк на Сталина?) с главой Госбанка состоялся «крутой разговор об условиях работы» в нём.

Высказывалось отнюдь не новое предложение: не «злоупотребляя коллегиальностью», всё же оживить работу Правления и ввести в его состав одного-двух партийных работников с целью устранения «спецовских сменовеховских настроений» у некоторых беспартийных его членов. При этом, добавлял Спундэ, руководящая роль Шейнмана должна была сохраниться. В числе предлагаемых мер — официальное назначение постановлением Политбюро и СНК заместителя председателя Правления. Необходимо добавить, что выполнявший фактически его функции и воспринимавшийся в этом статусе политическим руководством страны Спундэ официально таковым не являлся⁴². Шейнман рассматривал его лишь как временную фигуру на данной должности. Очевидно, сетования Спундэ на неопределённость своего положения, его просьбы о помощи в давлении на главу Госбанка и готовность покинуть свой пост убедили Сталина в необходимости приставить к руководителю главного банка страны более сильную фигуру. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) (опросом) от

⁴⁰ Там же, ф. 9665, оп. 1, д. 226, л. 9.

⁴¹ Там же, л. 11 об.

⁴² 13 февраля 1928 г. Спундэ писал Орджоникидзе: «Фактически с осени 1926 г. во всех случаях отсутствия т. Шейнмана я его замещаю, однако нет ни партийного, ни советского постановления, которое оформило бы моё положение в качестве или рядового члена Правления, или зам[естителя] Предправления» (Там же, 1 об.).

16 октября 1928 г. было одобрено назначение заместителем председателя Правления Госбанка Г.Л. Пятакова, с включением его в состав коллегии НКФ СССР, а 25 октября другим решением высшей партийной инстанции Спундэ получил назначение на должность начальника валютного управления и члена коллегии НКФ СССР⁴³.

18 ноября 1928 г. истек срок, намеченный Оргбюро ЦК ВКП(б) для отчёта Госбанка и Россельбанка о проделанной кадровой работе. Очевидно, в этой связи и было направлено руководителям подразделений Госбанка письмо заведующего Учраспредом Правления (с грифом «секретно»), в котором предписывалось в соответствии с директивами высших партийных органов в недельный срок пересмотреть весь наличный штат беспартийных работников и сообщить свои соображения по вопросам их увольнения, замены и выдвижения⁴⁴.

Вопрос об исполнении постановления Оргбюро ЦК ВКП(б), связанный с проверкой состава работников кредитных учреждений, не считался закрытым до 1930 г. 20 февраля 1929 г. датирована докладная записка Учраспреда Правления Госбанка СССР в Орграспред ЦК ВКП(б) с неполными отчётными данными о «преодолении и изжитии выявленных дефектов» по девяти конторам и отделениям на 1 января 1929 г. При привычной констатации наличия в составе аппарата «бывших» (дворяне, купечество, чиновники и т.д.) был сделан общий вывод по составу работников проверенных филиалов (за исключением Новосибирска): «Имеется значительный сдвиг в области коммунизации аппарата по всем звеньям, а особенно в средних звеньях (с 18 до 30,3%) при некотором, хотя и мизерном, улучшении социального состава работников (рабочих в среднем звене было 2,3%, стало 4%, и крестьян было 1,4%, стало 2%). Материалов по чистке аппарата от чуждых элементов, коренизации аппарата и ещё по ряду других вопросов в распоряжении пока не имеется... Однако... можно прийти к заключению, что ещё весьма мало сделано для улучшения социального состава работников, вовлечения в руководящую и ответственную работу женщин и коренизации аппарата в национальных республиках и областях»⁴⁵.

Другой отчётный документ, направленный Правлением Госбанка СССР в Орграспред ЦК ВКП(б), охватывает работу по «укреплению аппарата» с 1 октября 1927 г. по 1 апреля 1930 г. (от XV до XVI съезда ВКП(б), т.е. включал и период общесоюзной «чистки» госаппарата). Констатировалось, что «более или менее решительное очищение аппарата» от классово чуждого элемента началось в последние год-полтора (начиная с октября 1928 г.). Всего же до «чистки» выявили «в центральном аппарате 184 человека “бывших людей”... 83 человека из них с начала... января сего года... уже уволено из банка (под видом реорганизации, сокращения штата и т.д.), в том числе 3 члена Правления, 36 человек работников среднего звена, 44 человека технических работников»⁴⁶. Далее подробно охарактеризована структура госбанковского аппарата (центрального и в филиалах) в начале и конце отчётного периода. Приведены цифры сокращения аппарата Правления (на 17,9%), увеличения числа коммунистов (на 8,3% по отношению ко всему аппарату) и рабочей прослойки (с 10,2 до 18,2%), женщин (с 30,3 до 37%, при незначительном абсолютном снижении) и др.⁴⁷

⁴³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 709, л. 4; д. 710, л. 2.

⁴⁴ По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 17. С. 16.

⁴⁵ Там же. С. 17—18.

⁴⁶ Там же. С. 32.

⁴⁷ Там же. С. 31.

По результатам проверки выполнения апрельских решений Оргбюро (1927) был подготовлен проект постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) 1929 г., где графа с датой и месяцем оставлена незаполненной. Наряду с признанием успехов в деле коммунизации и «орабочивания» аппарата в проекте перечислялись имевшиеся на тот момент недостатки: назначение на должности членов партии «невыдержанных, в отдельных случаях разложившихся, подпадающих под влияние спецов и проявляющих оппортунизм и примиренчество в своей практической работе»; кредитно-плановые отделы («являющиеся, по сути дела, мозгом каждого банка»), как правило, находились в руках беспартийных, придерживавшихся чуждой идеологии (эсеры, кадеты, меньшевики)⁴⁸.

Также в ходе реализации июньского постановления Оргбюро (1927) был подготовлен проект составленной не ранее 1 июня 1929 г. программы обследования выполнения решения ЦК о банковских кадрах, призванной составить картину партийного влияния в аппарате, определить социальный состав кадров, роль беспартийных (особенно специалистов) в аппарате, их фактическое влияние и идеологические установки. В отношении последних требовалось выяснить кастовые, семейственные, политические группировки, случаи покрытия ошибок и преступлений, совершённых подконтрольными органами и лицами. В работе правлений банков следовало выявить, кто и как следил за выполнением июньских решений Оргбюро ЦК (при невыполнении отдельных директив предлагалось указать его причины). Выяснению подлежал и вопрос о том, занимает ли Учраспред авторитетное положение в банке, не было ли между ним и Правлением конфликтов на почве назначения и подготовки работников и т.д.⁴⁹

Можно предположить, что удаление из повесток дня заседаний Оргбюро обсуждения его июньских (1927) решений произошло только после февраля 1930 г., когда в полной мере разворачивалась общесоюзная «чистка» госаппарата. Так, в протоколе заседания Оргбюро ЦК от 26 февраля 1930 г. фигурируют уже ссылки на последующие решения, свидетельствующие о стремлении не возвращаться к данному вопросу: «Слушали... Доклад об итогах проверки выполнения решения ЦК о кадрах банковских работников... от 3.VI.29 г. ... Постановили... Поручить тт. Петерсу Я.Х., Кацнельсону Л.Е. и Горбуну П.П. сформулировать на основе состоявшегося обмена мнений краткий проект предложений и внести его на утверждение Оргбюро (опросом)»⁵⁰.

Предназначенный для Орграспреда ЦК ВКП(б) документ «О результатах обследования выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 27/VI—27 о банковских кадрах» содержит очень ценную информацию относительно персоналий (хотя в нём подчёркивается сложность анализа в связи с произошедшими с июня 1927 г. по сентябрь 1929 г. изменениями в структуре и функциях Госбанка СССР). В общей сложности в работу по изучению кадров были вовлечены около 70 человек из центрального аппарата и 30—40 — из обследуемых контор. Характеристики работников среднего звена на 1 сентября 1929 г. были получены как от администрации, так и от партийных организаций по определённой схеме. Предложенный им для оценки сотрудников вопросник содержал следующие пункты: «1) понимает ли партийные директивы и умеет ли проводить их в жизнь; 2) есть ли элементы вредительства в работе; 3) сведения о политиче-

⁴⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 74, д. 60, л. 97.

⁴⁹ Там же, л. 23—26.

⁵⁰ Там же, л. 29.

ской физиономии; 4) об инициативности в работе; 5) справляется ли в общем с работой; 6) замечает ли ошибки, промахи, преступления других и т.д.»⁵¹. Пользовались авторы и материалами дел по обследованию отдельных контор Госбанка СССР (в основном выбирали описания фактов, иллюстрировавших неблагоприятные дела и поступки).

Предваряя индивидуальные характеристики, отмечу общий вывод о неудовлетворительной оценке состава работников Госбанка (по центру и периферии) в социально-политическом отношении⁵². Фигурирующую в документе статистику затруднительно сопоставлять с ранее приведёнными цифрами из докладной записки Госбанка СССР (на 1 апреля 1930 г.).

Данные периода с 1 июля 1927 г. по 1 января 1929 г. (до «чистки госаппарата»), обобщённые в аппарате Орграспреда ЦК ВКП(б), «скромнее»: прослойка рабочих и сотрудников из рабочей среды уменьшилась с 7,7 до 6,9%, а коммунистов увеличилась всего лишь на 1,3%, причём только за счёт центрального аппарата. «По центральному аппарату, — отмечается в документе, — произошло резкое повышение парт[ийной] прослойки в группе ответственных сотрудников (с 15,9 до 40,9%). Увеличение числа коммунистов в системе Госбанка произошло главным образом механическим путём и объясняется в значительной мере происшедшим слиянием с Госбанком касс Наркомфина и части аппарата Промбанка. Вместе с кассами Наркомфина в систему Госбанка влилось около 3 тыс. чел[овек], из которых примерно 400 или 13% членов ВКП(б). На повышении прослойки коммунистов по центральному аппарату наряду с указанными причинами отразилось и сокращение штатов»⁵³.

Остановимся на характеристике центрального аппарата. Его количественный состав сократился в вышеназванный период с 2 100 до 1 550 человек, число членов ВКП(б) и ВЛКСМ в общей массе сотрудников увеличилось с 9,2 и 4,9% соответственно до 17,7 и 5,2%. Для сравнения: партийная прослойка в центральном аппарате НКФ СССР составила 24,9%, Наркомторга СССР — 28%, ВСНХ СССР — 20,2%.

Оставив в стороне детальные статистические выкладки, касающиеся различных звеньев аппарата, партийного и банковского стажа сотрудников, обратимся к персональным характеристикам, начиная с руководства. «Вполне авторитетным и влиятельным членом Правления, — полагали авторы документа, — является лишь один тов. Пятаков. Остальные члены Правления партийцы, хотя и пользуются сравнительно большим влиянием, чем беспартийные, и больше чувствуются в работе банка, тем не менее некоторые из них дискредитировали себя в деловом и партийном отношениях, о чём свидетельствуют и материалы проводимой партпроверки. Для примера можно указать, что Морин обвиняется в правом оппортунизме и примиренчестве к нему, в недопустимом пренебрежении к дельным предложениям партийцев о внедрении планового начала в работу Банка о регулировании денежного обращения, реорганизации структуры банка, о борьбе с бюрократизмом, слабом проведении партийной линии в вопросах о кадрах и т.д. Каган — обвиняется в правом оппортунизме и

⁵¹ Там же, л. 99 об.

⁵² Там же, л. 100. В другом месте документа отмечено, что «существующие банковские кадры, несмотря на наличие среди них значительного слоя удовлетворительных и здоровых элементов, не могут всё же считаться в достаточной мере обеспечивающими проведение линии партии и правительства в кредитной работе в настоящее время» (Там же, л. 103 об.).

⁵³ Там же, л. 100.

примиренчестве к нему, в отсутствии чёткой партийной линии в работе, в проекционизме... и пр[оч]... Часть беспартийных членов Правления продолжает заведовать весьма важными участками банковской работы. Так, например, Блюм — ведаёт кредитными группами, занимающимися финансированием тяжёлой промышленности и транспорта; Шер — вопросами финансирования кооперации; Каценеленбаум — эмиссионным отделом; Берлацкий — финансированием лесных операций, кредитной работой в странах Востока и Главной бухгалтерией; Шлезингер — отделом пассивных операций и отделом кассы. В отношении руководства последнего нужно отметить, что это руководство, по сути дела, является лишь формальным. Он настолько устарел, как по возрасту (77 лет), так и по его подходам к банковской работе, что в настоящее время никакой ценности для банка не представляет и никакой активности в работе не проявляет. Многие из ответственных работников банка (члены Правления, директора) заявляли, что за всё время их работы они никогда даже не слышали голоса Шлезингера... О политической физиономии их до некоторой степени можно судить потому, что один из них является бывшим председателем Правления Моск[овского] Купеческого банка и, следовательно, акционером его... Трое — бывшие активные меньшевики (Берлацкий, Шер, Блюм) и один кадет (Каценеленбаум). В публичных выступлениях и в печатных трудах этих членов Правления имелись установки, противоречащие решениям партии и правительства и неправильные теоретические положения в научных трудах»⁵⁴.

В этот период авторы документа лишь предлагали поставить вопрос об их замене партийными выдвиженцами⁵⁵, но совсем скоро Б.М. Берлацкий и В.В. Шер будут осуждены по делу «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)», а А.А. Блюм и З.С. Каценеленбаум — по «госбанковскому делу».

Далее шли характеристики трёх директоров Правления. В отношении Е.П. Ростковского⁵⁶ была принята рекомендация «за преклонностью лет и неприспособленности к современным требованиям кредитной политики» замечать. Два других директора — В.С. Коробков⁵⁷ и С.К. Бельгард — являлись

⁵⁴ Там же, л. 107—107 об.

⁵⁵ В документе указано: «Совершенно очевидно, что... в условиях решительного наступления на частно-капиталистические элементы, изменения форм и методов банковской работы все беспартийные члены Правления не могут играть положительной активной роли в проведении политики банка, в его практической работе, а поэтому необходимо поставить вопрос о замене их партийцами и выдвиженцами» (Там же, л. 108).

⁵⁶ Ростковский Евгений Павлович (1870—1942) в 1895 г. окончил математический факультет Санкт-Петербургского университета. Участник революционного движения, во время учебы в университете примкнул к группе народовольцев, вел пропаганду среди рабочих. В 1896 г. арестован по делу Лахтинской типографии народовольцев, осуждён и сослан в Восточную Сибирь. С 1904 г. работал инспектором Русского торгово-промышленного банка в Санкт-Петербурге; член первого Санкт-Петербургского Совета рабочих депутатов (1905). Приминая к партии эсеров, сблизился с выдающимися деятелями революционного движения, в том числе с В.Н. Фигнер и П.А. Кропоткиным. В 1915 г. переведён в Москву заместителем управляющего Московским отделением Русского торгово-промышленного банка. В январе 1918 г. после национализации частных банков перешёл на службу в Московский Народный банк в качестве заместителя директора. С конца 1918 г. по октябрь 1921 г. работал в кооперативном отделе Центрального бюджетно-расчётного управления Наркомата финансов РСФСР. В октябре 1921 г. назначен главным кассиром Отдела кассы Правления Государственного банка РСФСР; заведующий Отделом кассы (1923—1929); директор Правления Государственного банка СССР с исполнением обязанностей по наблюдению за работой Главной кассы (с 1929 г.). С этой должности вышел на пенсию в 1929 г.

⁵⁷ Подробнее см.: *Николаев М.Г.* Неизвестные судьбы госбанковцев 1920-х: директор Иностранного отдела Госбанка СССР В.С. Коробков // *Деньги и кредит.* 2013. № 7. С. 59—67; № 8. С. 62—67.

представителями Госбанка СССР в США и Англии. Выводы в их отношении весьма характерны. Сообщая об отсутствии возможности получить на них характеристики в силу нахождения обоих длительное время в заграничных командировках, авторы отметили: «Тем не менее в качестве представителей Госбанка за границей следовало бы, имея в виду политическое значение этого представительства, посылать партийцев, тем более что в настоящее время такие кандидатуры можно было бы подобрать»⁵⁸ (вскоре Коробков и Бельгард тоже станут фигурантами «госбанковского дела»).

Важно отметить, что авторы в ряде случаев оговаривали несовпадение характеристик Учраспреда и цехпартбюро⁵⁹, иногда приводили сравнительные оценки, но почему они склонялись в пользу той или иной точки зрения, неизвестно. Кроме того, ведомственные парторганы представляли характеристики на беспартийных, и эти аттестации служили основанием для принятия в их отношении административных решений.

Среди перечисленных руководящих работников встречаем уволенных в ходе «чистки» госаппарата, а позже фигурантов дел — «госбанковского» и «наркомфиновского». Это В.А. Лепёшкин («потомственный дворянин, монархист»), А.И. Лежнёв («поверхностен, беспринципен»), А.А. Сахаров («фактически является сторонником развития частно-капиталистических элементов в нашем хозяйстве и враждебен его плановому началу», «экономически неграмотен, безынициативный, карьерист», «бессистемен в работе, хотя и работоспособен»), А.Ф. Тимофеев («не способен проявлять инициативы. Антисоветский. Желания проводить директивы нет. Лентяй, саботажник. Необходимо удалить из банка»).

Характеристика заместителя директора одной из кредитных групп Г.В. Рочко была составлена со слов его шефа. Это обстоятельство, несмотря на указанное кадетское прошлое, очевидно, способствовало мягкости формулировок («Толков. Политически грамотен. По своей политической идеологии примыкает к концепции проф. Кондратьева. Однако в практической работе ориентируется на линию партии»). Правда, фамилия Рочко присутствует в другом месте — в списке выходцев из «враждебных партий».

Для представления о стилистике «досье», охватывающего широкий круг банковских сотрудников, приведу одну из характеристик полностью: «Директор Бюро РСФСР — Венгеровский, служащий, член ВКП(б) с 1917 года, со средним образованием, имеет 18-летний банковский стаж, в капиталистических банках был зав[едующим] отд[елом] и доверенным банка. Характеристики Учраспреда и цехпартбюро, в основном совпадающие, дают о нём следующее представление: достаточной марксистской подготовки не имеет. Политически недостаточно грамотен. Трудолюбив и работоспособен, хорошо знает технику банковской работы, проявляет инициативу и растёт в этой области. Политически беспринципен, типичный делегач. Обвиняется в оппортунизме и бюрократизме, волоките и т.п. Подхалим. Подвергался партвызысканию за игнорирование выдвигенцев. Легко поддаётся влиянию беспартийных»⁶⁰. Такая причудливая смесь достоинств и недостатков оставляет возможности для принятия решений весьма широкого спектра.

⁵⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 74, д. 60, л. 108.

⁵⁹ Там же, л. 111 об., 113.

⁶⁰ Там же, л. 114.

Ещё один сюжет — партийная чистка, решение о которой было принято на XVI конференции ВКП(б) (апрель 1929 г.). Несмотря на то что она затронула только часть банковского аппарата, а комиссии по «чистке», казалось бы, должны были в качестве мер наказания оперировать исключительно партийными взысканиями, в соответствующих документах можно обнаружить вынесение резолюций относительно сферы трудовых отношений. В протоколах проверочных комиссий различных структурных подразделений Правления Госбанка СССР встречается достаточное количество подобных примеров. Вот некоторые из принятых решений: в отношении секретаря отдела кассы А.Я. Буланкина («считать необходимым снять с работы в Госбанке и направить на работу в колхозы, как знающего деревню и уже работавшего ранее в деревне»); контролёра И.Я. Королёва («просить Правление Госбанка перевести его для работы в другой город»); секретаря партийной ячейки Госбанка А.В. Кирпичёва («снять с работы в Госбанке, направив на работу, где будет связан с рабочей массой»); консультанта В.Б. Рошалья («объявить выговор за нарушение трудовой дисциплины и нежелание работать активно. Считать целесообразным снять с работы в Госбанке»); инспектора С.С. Бочарникова («объявить выговор, с работы в Госбанке необходимо снять и послать на низовую работу в деревню — за непринятие мер как бывш[ий] учраспред, по орабочиванию и коммунизации аппарата и нерешительную постановку вопросов, связанных с этим, перед соответствующими организациями, а также им не было создано достаточных условий для роста вузовцев на практической работе»); заведующего отделом текущих счетов Г.С. Белова («рекомендовать администрации снять его с занимаемой работы»); консультанта А.Я. Лебеля («объявить выговор, снять с работы в Госбанке, направив на работу, где он будет связан с рабочей массой»)⁶¹.

Для рекомендации об увольнении достаточно даже не исключения из партии, а всего лишь выговора, правда, остаётся невыясненным вопрос, насколько строго соблюдались администрацией вынесенные партийные решения.

Помимо всего остального, материалы партийных «чисток» дают представление о том, к каким провинностям относились терпимо, а за какие сурово наказывали. В документах можно встретить любопытные примеры, позволяющие лучше представить те настроения, которые поощряла кампания по коммунизации аппарата и выдвиженчеству. Так, в решении об исключении из ВКП(б) М.С. Лапкина ему было инкриминировано использование партии «в своих шкурных интересах»: провинившийся обратился к секретарю цехового коллектива с просьбой о переводе его с должности дворника, так как «партийцу зазорно быть» таковым⁶².

Работа партийных проверочных комиссий проходила в Госбанке СССР в октябре—ноябре 1929 г. и завершилась в то время, когда в кадровой политике начался новый этап, связанный с масштабной «чисткой» госаппарата.

Итак, можно констатировать, что в системе Госбанка СССР гонения на специалистов в основном по признакам социального происхождения и бывшей партийной принадлежности начались после июньского (1927) постановления Оргбюро ЦК ВКП(б). Процесс стал набирать темпы в начале 1928 г. по мере ослабления позиций в партийно-правительственных кругах главы Госбанка Шейнмана. «Вытеснялись» прежде всего руководители высшего и среднего звена. «Свёртывание» нэпа, коренные преобразования в экономической сфере

⁶¹ Там же, л. 33, 34, 48 об., 49, 49 об., 44 об., 50 об.

⁶² Там же, л. 36—36 об.

и их негативные последствия заставили руководство страны резко ужесточить кадровую политику, не останавливаясь перед травлей и репрессиями в отношении «старых» специалистов. С июня 1927 г. по январь 1930 г. была проделана не только определённая предварительная «очистительная» работа, но и собран объёмный «компромат», который впоследствии использовали органы Рабоче-крестьянской инспекции и ОГПУ при выполнении своей, по выражению Сталина, «проверочно-мордобойной работы»⁶³.

⁶³ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925—1936 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 211—212.